

Ричард Шеридан

ШКОЛА ЗЛОСЛОВИЯ

Ричард Бринсли Шеридан

Школа злословия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17040610

Аннотация

«Школа злословия» – величайшая сатирическая комедия с идеальной интригой, ставшая незабываемым событием в лондонской театральной жизни конца XVIII века. Ее автором является видный политик и блестящий литератор английского Просвещения Ричард Бринсли Шеридан (1751-1816).

Вот уже более двух веков читатели и зрители пьес Шеридана не устают восхищаться остроумным повествованием о кознях губительницы добрых имен, председательницы «школы злословия» леди Снiruэл, а также ее окружения.

Содержание

Портрет, посылаемый миссис Крю, вместе с комедией «Школа злословия» Р. Б. Шериданом	4
Действующие лица:[3]	9
Пролог, написанный мистером Гарриком.[4]	11
Действие I	14
Сцена I	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ричард Шеридан. Школа злословия Комедия в пяти действиях

Портрет, посылаемый миссис Крю, вместе с комедией «Школа злословия» Р. Б. Шериданом

Вы, вскормленницы Школы Клеветы,
Доведшие поклеп до красоты,
Ужели нет на свете ни одной,
Настолько милой и совсем иной,
Чтоб даже вы хвалу воздали ей
Безмолвием и завистью своей?
Сейчас живой предстанет образец
На суд суровый ваших злых сердец.
Решите сами, верен ли портрет,
Иль то Любви и Музы легкий бред.
Сюда, о, племя многомудрых дев.
О сонм матрон, чей беспощаден гнев,
Чей острый взгляд и хмурые черты
Не терпят юности и красоты;
Вы, по природе хладные своей;

Вы в долгом девстве лютые как змей, —
Сюда, о, мастерицы сплесть навет,
Создать улики, если слухов нет!
О вы, чья память, сторожа пороков,
Все, кроме факта, знает на зубок!
Сюда, о клеветницы, стар и млад,
Ходячее злословье, станьте в ряд,
Чтоб нашей теме был противовес,
Как гимну – пасквиль, как святому – бес.
Ты, Аморетта (это имя нам
Уже знакомо по другим стихам),
Приди и ты; пусть милый жар ланит
Твою улыбку робко оттенит,
И, с нежно-неуверенным лицом,
Мне послужи желанным образцом.
О Муза, если б ты создать могла
Хоть слабый очерк этого чела,
Счастливой кистью вызвать на мольберт
Хоть бледный отцвет этих чудных черт,
Поэты бы воспели гений твой,
И Рейнольдс¹ бы склонился головой,
Он, в чьем искусстве более чудес,
Чем в чудесах Природы и Небес,
Он взору Дэвон давший новый жар,
Ланитам Грэнби – прелесть новых чар!
Нелегкий подвиг – дань хвалы принести

¹ Рейнольдс – известный английский художник конца XVIII века, особенно прославленный своими портретами, некоторые из которых упоминаются в следующих строках

Красе, чей разум презирает лесть!
Но, славя Аморетту, прав весь свет:
Пред нею, как пред небом, лести нет,
И, прихотью судеб, она одна
Правдивость нашу отрицать склонна!
От мод не краше, крася их сама,
Проста влеченьем вкуса и ума,
Скромна в движениях, чуждая вполне
И сухости, и буйных чувств волне,
Она не ходит, на себя надев
Лицо богинь иль облик королев.
Ее живая прелесть, всякий раз,
Не поражает, а пленяет нас;
То не величье, но ее черты
Мы не измерим мерой красоты!
Природный цвет ее ланит так жив,
Что, создавая это диво див,
Вполне бы мог божественный творец
На них бледнее наложить багрец,
Велев затворнице прелестных стен —
Стыдливой Скромности — служить

взамен.

А этих губ кто воспоет вино?
Лишите их улыбки — все равно!
Сама Любовь как будто учит их
Движению, хоть не звучит на них;
Ты, видящий, не слыша эту речь,
Не сожалей, что звук не мог дотечь;
Смотри на эти губы, ты всегда

Беседу их постигнешь без труда:
Они повиты прелестью такой,
Что полон думы самый их покой!
Но если взглянешь на игру лучей
Волшебно-нерешительных очей,
Следя, как часто, манием ресниц,
Бывает прерван пламень их зарниц,
Ты в них увидишь: крошка Купидон,
Своей опасной должностью смущен,
То скроет, то откроет дивный луч,
Который взорам смертных слишком жгуч.
От этих стрел, ласкающих разя,
В беззлобных ямочках спастись нельзя
Хотя бы сердце в ней и не могло
Жестоким гневом ополчить чело,
Я кознями Любви поклясться рад —
Ее улыбка гибельней стократ!
При виде той, что получила в дар
Всю полноту, всю яркость женских чар,
Мы были бы должны тщеславный нрав
Отнести к числу ее природных прав.
Но Аморетта, в милой простоте,
Сама своей не верит красоте
И стрелы чар, разящие кругом,
Невинно хочет оперить умом:
Всех женских знаний совмещая груз,
Воспитанница Грэвила² и Муз,

² Джордж Грэвилль — член парламента и министр в кабинете Питта — был известен своим благородством, воспитанностью, знанием всех светских обычаев;

Любя учиться, помня грань пути,
Докуда можно женщине итти,
Она бы Фебу, если б встарь жила,
Не жрицей, а возлюбленной была,
С застенчивою робостью очей
И кроткою покорностью речей;
Как ни разумно говорит она,
В ней словно неуверенность слышна;
И, этой женской прелестью дыша,
Как разум мил, как мудрость хороша!
Ее дары, ее душевный склад
О сердце, дружном с мыслью, говорят:
Веселость, оттененная мечтой,
Насмешливость в союзе с добротой,
Брезгливость, скрытая не без труда,
Страх пред талантом, чем она горда.
Умолкни, Муза! Песнь свою прерви
И похвалу бессильной назови;
Поэзия достигнуть не могла
Ее достоинств, но твоя хвала
Смутила хор завистниц красоты
И омрачила царство Клеветы!
Все эти ведьмы, черствым языком,
Шипят, что этот облик им знаком,
И называют ту, кого пою,
Вас, мой прообраз и мой гений – Крюю!

Действующие лица:³

Сэр Питер Тизл.

Сэр Оливер Сэрфэс

Сэр Гарри Бэмпэр

Сэр Бэнджамэн Бэкбайт.

Джозэф Сэрфэс.

Чарльз Сэрфэс.

Кэйрлесс.

Снэйк.

Крэбтри.

Раули.

Мозэс.

Трип.

Лэди Тизл.

Лэди Снируэл.

Миссис Кэндэр.

Мария.

³ Драматурги эпохи Шеридана очень часто выбирали имена действующих лиц так, чтобы в них отражался характер того или иного человека. Этим приемом пользуется и Шеридан в «Школе злословия». Имя «Тизл» – взято от глагола to tease – раздражать, сердить; «Сэрфэс» – наружность; «Бэмпэр» – полный до краев стакан; «Бэкбайт» – от глагола to backbite – злословить за глаза; «Кэйрлесс» – беззаботный, легкомысленный; «Снэйк» – змея; «Крэбтри» – дерево – дикая яблоня; «Раули» – от Row – шум, суматоха; «Трип» – обмолвка; «Снируэл» – насмешница; «Кэндэр» – откровенность.

Джентльмены, горничная и слуги.

Место действия – Лондон.

Пролог, написанный мистером Гарриком.⁴

«Школа злословья»? Полно! Неужели
Без школы мы злословить не умели?
Какие тут уроки могут быть?
Еще бы нас учили есть и пить!
Когда красавиц наших, ту иль эту,
Тревожит печень, – дайте им газету;
В ней сильнодействующих – quantum satis;
Чего бы вы ни пожелали – нате-с.
«О боже!» – лэди Уксус (что не прочь
За картами прощebetать всю ночь),
К полудню встав, свой крепкий чай
мешает
Со сплетнями – Как это освежает!
Дай мне газету, Лисп, – как хорошо!

(Отхлебывает.)

«Вчера лорд Л.

(отхлебывает)

⁴ Гаррик – известный актер эпохи Шеридана, директор лондонского театра Друри-Лэйн, где впервые была поставлена «Школа злословия».

был пойман с лэди О.».
Как это помогает от мигрени!

(Отхлебывает.)

«Хоть миссис Б. и опускает шторы,
«Сквозь них легко проникнут наши
взоры».

Да, это зло; жестокая заметка;
Но, между нами

(отхлебывает),

право, очень метко.
Ну, Лисп, читайте вы, отсюда вот!
Так-с!
«Пусть лорд К., тот самый, что
живет

«На Гровнор Сквэр, себя побережет:
«Хоть лэди У. он и дороже сына,
«Но укус горек». – «Это я! Скотина!
Сейчас сожгите, и чтоб в дом мой эту
Впредь не носили подлую газету!»
Так мы смеемся, если кто задет;
А нас заденут, – смеха больше нет.
Ужель наш юный бард так юн, что тщится
От моря лжи плотиной оградиться?
Иль он так мало знает грешный мир?

С нечистой силой как вести турнир?
Он биться с грозным чудищем идет:
Срежь Сплетне голову, – язык живет.
Горд вашей благосклонностью былой,
Наш юный Дон Кихот вновь вышел в бой;
В угоду вам, он обнажил перо
И жаждет Гидре погрузить в нутро.
Дабы снискать ваш плеск, он будет, полон
пыла,

Разить, – то бишь писать, – пока в руке
есть сила,

И рад пролить для вас всю кровь, – то
бишь чернила.

Действие I

Сцена I

Уборная лэди Снируэл.

Лэди Снируэл за туалетом. Снэйк пьет шоколад.

Лэди Снируэл. Итак, м-р Снэйк, все напечатано?

Снэйк. Да, милэди; я сам переписывал измененным почерком, так что никто и не догадается, откуда все это идет.

Лэди Снируэл. А что, распустили вы слух о связи лэди Бритл с капитаном Бостол?

Снэйк. Я повел это так тонко, что лучше и желать нельзя. Если все пойдет нормально, то, я думаю, слух достигнет до ушей м-с Клаккит в двадцать четыре часа, а уж тогда, вы знаете, — дело сделано.

Лэди Снируэл. Да, это верно: у миссис Клаккит большой талант и много усердия.

Снэйк. Совершенно справедливо, миледи; и до сих пор действовала она не без успеха. По моим сведениям из-за нее расстроилось шесть свадеб, три сына лишились наследства, случилось четыре скандальных побега и столько же арестов, девять супружеских пар разъехались и две развелись. Кроме того, в журнале «Столица и провинция» она печатает

происходившие tête-à-tête разговоры людей, которые даже и в глаза друг друга не видели. Я не раз ее на этом ловил.

Лэди Снируэл. Да, конечно, она талантлива, но грубовата.

Снэйк. Совершенно справедливо. Вообще она описывает недурно, язык у ней свободный и смелое воображение; но краски она кладет слишком густо и часто хватает через край. Ей недостает той мягкости колорита, той приятной, веселости, какою отличается злословие вашего сиятельства.

Лэди Снируэл. Вы пристрастны, Снэйк.

Снэйк. Нимало. Лэди Снируэл словом или взглядом выразит больше, чем иные подробнейшим описанием, хотя бы на их стороне и была крупица истины. Это всем известно.

Лэди Снируэл. Да, милейший Снэйк; без всякой ложной скромности, я скажу, что удовлетворена своими успехами. В юности и меня ранил ядовитый язык сплетни, и с той поры я не знаю наслаждения выше, чем доводить репутацию других до уровня моей собственной.

Снэйк. Это вполне понятно. Но знаете, лэди Снируэл, что касается последнего вашего поручения, то тут, признаюсь, ваши намерения мне не ясны.

Лэди Снируэл. А, это насчет моего соседа, сэра Питера Тизл и его семейства?

Снэйк. Вот, вот! Речь идет о двух молодых людях, для которых сэр Питер со времени смерти их отца был как бы опекуном; у старшего – превосходный характер, и о нем го-

воят только хорошее; младший – самый распущенный и сумасбродный юноша во всем королевстве; у него нет ни друзей, ни доброго имени; первый – ваш призванный поклонник и, видимо, пользуется вашей благосклонностью; второй влюблен в Марию, воспитанницу сэра Питера, и бесспорно любим ею. При таких обстоятельствах для меня совершенно непонятно, почему бы вам, имеющей после смерти мужа хорошее имя и хорошее состояние, не вступить в союз с человеком, имеющим такую репутацию и будущность, словом – с м-ром Сэрфэсом. И еще более непонятно, почему это для вас так важно расстроить взаимную привязанность его брата Чарльза и Марии.

Лэди Снируэл . Ну, чтобы сразу же объяснить эту тайну, я должна сказать вам, что в моих отношениях к м-ру Сэрфэсу любовь совершенно не при чем.

Снэйк. Нет!

Лэди Снируэл . На самом деле – он влюблен в Марию, или в ее приданое. Но он нашел счастливого соперника в своем брате, и ему пришлось замаскировать свои намерения, а также прибегнуть к моей помощи.

Снэйк. И все-таки для меня остается загадкой, почему вы заинтересованы в его успехе.

Лэди Снируэл . Боже, как вы бестолковы! Неужели же вы не можете догадаться о слабости, которую я из стыда до сих пор скрывала даже от вас? Не прикажете ли мне сознаться, что только ради Чарльза, – ради этого гуляки, этого су-

масброда, потерявшего состояние и репутацию, — я так беспокоюсь и злюсь? Я всем готова пожертвовать, чтобы только завладеть им.

Снэйк. Ну, вот, теперь ваша тактика мне понятна. Но что же вас так сблизило с м-ром Сэрфэсом?

Лэди Снируэл. Наша взаимная выгода. Я давно разгадала его. Я знаю, что он ловок, себялюбив и зол, короче, это — умный плут, тогда как сэр Питер и все знакомые Джозефа Сэрфэса считают его чудом ума и доброты.

Снэйк. Да, сэр Питер уверяет, что нет ему равного во всей Англии; особенно расхваливает его, как человека высокой морали.

Лэди Снируэл. Вот этой самой моралью и своим ханжеством м-р Сэрфэс совсем покори́л старика, и тот выдаст за него Марию. А у бедного Чарльза нет ни одного друга в доме, но я боюсь, у него сильный друг в сердце Марии, — против нее-то мы и должны направить нашу атаку.

Входит слуга.

Слуга. М-р Сэрфэс.

Лэди Снируэл. Проси. (*Слуга уходит.*) Он всегда является примерно в этот час. Не удивительно, что его считают моим любовником.

Входит Джозефф Сэрфэс.

Джозеф Сэрфэс. Дорогая лэди Снируэл, как ваше здоровье? М-р Снэйк, рад вас видеть.

Лэди Снируэл. Снэйк только что подшучивал над нашей взаимной привязанностью. Пришлось объяснить ему действительные наши намерения. Вы знаете, как он был нам полезен; поверьте мне, он стоит доверия.

Джозеф Сэрфэс. По-моему нельзя даже и сомневаться в человеке, одаренном такой проницательностью и таким вкусом.

Лэди Снируэл. Ну, ну, без комплиментов. Скажите мне лучше, когда вы видели вашу возлюбленную Марию, — или нет: вашего брата?

Джозеф Сэрфэс. Ни того, ни другой я не видел после моего последнего свидания с вами; могу, впрочем, сказать вам, что они не встречались друг с другом. Некоторые из ваших историй хорошо подействовали на Марию.

Лэди Снируэл. Ну, милейший Снэйк, это уж ваша заслуга! А как ваш брат? Дела его все хуже?

Джозеф Сэрфэс. Час от часу. Мне говорили, что вчера опять наложили арест на его имущество. Словом, его расточительность и сумасбродство неслыханны.

Лэди Снируэл. Бедный Чарльз!

Джозеф Сэрфэс. Да, несмотря на все его пороки, о нем нельзя не пожалеть. Бедный Чарльз! Если бы я только мог по-настоящему помочь ему! Человек, который оставляет

брата своего в несчастье, даже если тот заслуживает этого своими пороками, – такой человек...

Лэди Снируэл. О, боже, вы, кажется, собираетесь читать проповедь! Не забывайте, что тут – ваши друзья.

Джоэфф Сэрфэс. Вы правы. Я приберегу эту сентенцию для сэра Питера. Как бы то ни было, но ведь это сущее благодеяние – избавить Марию от кутилы, которого если и может кто-нибудь исправить, то разве только особа с такими высокими совершенствами и с таким умом, как у вас.

Снэйк. Мне кажется, лэди Снируэл, сюда идут посторонние. Пойду переписывать письмо, о котором говорил вам. М-р Сэрфэс – ваш всепокорнейший...

Джоэфф Сэрфэс. Сэр, свидетельствую вам свое глубочайшее... (*Снэйк уходит.*) Лэди Снируэл, очень жаль, что вы доверились этому типу.

Лэди Снируэл. Почему же?

Джоэфф Сэрфэс. Я не раз заставлял его в беседах со старым Раули, который прежде был дворецким у моего отца и, как вам известно, никогда не был мне другом.

Лэди Снируэл. И вы думаете, что он может изменить нам?

Джоэфф Сэрфэс. Нет ничего вероятнее. Верьте моему слову, лэди Снируэл, у этого человека не хватит совести быть верным даже собственной своей подлости. Ах, Мария!

Входит Мария.

Лэди Снируэл. Мария, дорогая моя, что с вами? Что случилось?

Мария. Этот противный мой поклонник, сэр Бэнджамэн Бэкбайт, только что явился к моему опекуну со своим несносным дядей, Крэбтри. Я ускользнула и прибежала сюда, чтобы не встретиться с ними.

Лэди Снируэл. И это все?

Джозэф Сэрфэс. Если б мой брат был в их компании, может быть, вы бы их так не испугались?

Лэди Снируэл. Не придирайтесь. Мария просто услышала, что вы здесь, – ручаюсь, в этом все дело. Но, дорогая моя, что такое вам сделал сэр Бэнджамэн? Почему вы его так избегаете?

Мария. Мне он ничего не сделал, но я не выношу его языка. Его разговор – это сплошной пасквиль на всех его знакомых.

Джозэф Сэрфэс. Да, и хуже всего то, что нет никакой выгоды быть с ним незнакомым. Он такой же охотник насплетничать про незнакомого, как и про своего лучшего друга; да и его дядя – тоже не лучше.

Лэди Снируэл. Нельзя же так, нужно быть снисходительной. Сэр Бэнджамэн – человек остроумный, и он – поэт.

Мария. Что касается меня, то, право, остроумие теряет в моих глазах, если оно неразлучно со злостью. Как вы думаете, м-р Сэрфэс?

Джозэф Сэрфэс. Ну, конечно – так! Улыбаться шутке, которая должна уколоть нашего ближнего – это значит быть соучастником злодеяния.

Лэди Снируэл. Ну! Невозможно быть остроумным без некоторой доли злости; в злости вся соль. Как ваше мнение, м-р Сэрфэс?

Джозэф Сэрфэс. Совершенно правильно: если запретить в разговоре насмешку, он непременно покажется скучным и безвкусным.

Мария. Хорошо, я не стану спорить, насколько допустимо злословие; но уж в мужчине-то оно всегда противно. В нас есть тщеславие, зависть, соперничество и тысячи причин ставить ни во что друг друга; но мужчина-сплетник должен обладать трусостью женщины, чтобы решиться на клевету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.